

М. ЦВЕТАЕВА

<Из письма к Арсению Тарковскому>

...Да, вчера прочла — перечла — почти всю книгу Ахматовой и — старо, слабо. Часто (плохая и верная примета) совсем слабые концы; сходящие (и сводящие) на нет. Испорчено стихотворение о жене Лота. Нужно было дать либо себя — ею, либо ее — собою, но — не двух (тогда была бы одна: *она*).

...Но сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

Такая строка (формула) должна была даваться в именительном падеже, а не в винительном. И что значит: сердце мое никогда не забудет... — кому до этого дело? — важно, чтобы мы не забыли, в наших очах осталась —

Отдавшая жизнь за единственный взгляд...

Этой строке должно было предшествовать видение: Та, бывшая!, та, ставшая солью, отдавшая жизнь за единственный взгляд — Соляной столб, от которого мы остолбенели. Да, еще и важное: будь я — ею, я бы эту последнюю книгу озаглавила: «Соляной столб». И жена Лота, и переключка с Огненным (высокая вечная верность) в двух словах вся беда и судьба.

Ну, ладно...

Просто, был 1916 год, и у меня было безмерное сердце, и была Александровская Слобода, и была малина (*чудная* рифма — Марина), и была книжка Ахматовой... Была *сначала* любовь, *потом* — стихи...

А сейчас: я — и книга.

А хорошие были строки: ...Непоправимо-белая страница... Но что она делала: с 1914 г. по 1940 г.? *Внутри* себя. Эта книга и есть «непоправимо-белая страница»...

Говорят, — Ива. Да, но одна строка Пастернака (1917 г.):

Об иве, иве разрыдалась, —

и одна моя (1916 г.) — к ней:

Не этих ивовых плавающих ветвей
Касаюсь истоиво, а руки твоей... —

и что остается от ахматовской ивы, кроме — ее рассказа, как
она любит иву, то *есть* — содержания?

